

УДК 811.512.122'36

ББК 80

Г. Е. Имамбаева

Павлодар, Казахстан

Д. А. Алькебаева

Алматы, Казахстан

А. Б. Ахметова

Павлодар, Казахстан

**ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ
СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА
В КАЗАХСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

В статье рассматривается грамматическая категория страдательного залога в казахском и русском языках в сопоставительном аспекте.

Ключевые слова: категория залога, грамматическая категория, страдательный залог, казахское языкознание, залоговая категория русского языка

© Имамбаева Г.Е., 2014

© Алькебаева Д.А., 2014

© Ахметова А.Б., 2014

G. E. Imambayeva
Pavlodar, Kazakhstan
D. A. Alkebayeva
Almaty, Kazakhstan
A. B. Akhmetova
Pavlodar, Kazakhstan

GRAMMATICAL CATEGORY OF THE PASSIVE VOICE IN KAZAKH AND RUSSIAN LANGUAGES

The article examines grammatical category of the Passive Voice in Kazakh and Russian languages in a comparative viewpoint.

Key words: Voice category, grammatical category, Passive Voice category, Kazakh linguistics, Voice category of Russian language

Ғ.Е. Имамбаева
Павлодар, Қазақстан
Д.А. Әлкебаева
Алматы, Қазақстан
А.Б. Ахметова
Павлодар, Қазақстан

ҚАЗАҚ ЖӘНЕ ОРЫС ТІЛДЕРІНДЕГІ ЫРЫҚСЫЗ ЕТІСТІҢ ГРАММАТИКАЛЫҚ КАТЕГОРИЯ

Мақалада салғастырмалы түрде қазақ және орыс тілдеріндегі ырықсыз етістің грамматикалық категория қарастырылған.

Тірек сөздер: етіс категориясы, грамматикалық категория, ырықсыз етіс, қазақ тіл білімі, орыс тілінің етіс категориясы

Исследователи русского и казахского языков рассматривают категорию залога в зависимости от позиции, занимаемой в лингвистике. При этом история изучения категории залога в русском языке отличается богатством подходов к её характеристике и имеет более длительную традицию. В частности,

Ф. Ф. Фортунатов характеризовал данную категорию с морфологической точки зрения, А.А. Потебня – с синтаксической, В.В. Виноградов – с морфолого-синтаксической, А.В. Бондарко – с семантико-синтаксической. Е. А. Пахомова рассматривает страдательный залог в русском языке в сопоставлении с немецким.

В казахском языкознании основное внимание уделялось изучению залоговой категории с позиции истории языка (М. А. Казем-Бек), в сопоставлении с другими категориями, например с категорией вида (М. Терентьев), с морфологической точки зрения (П. М. Мелиоранский и А. К. Боровков). В своих трудах по грамматике казахского языка большое внимание уделяют страдательному залогу Г. Бегалиев и Н. Сауранбаев, С. Кенесбаев и С. Жиенбаев, в сопоставлении с другими грамматическими категориями языка рассматривали категорию залога И. И. Мещанинов, М. М. Гухман, также можно отметить рассмотрение залоговой категории с позиции синтаксиса А. Калыбаевой-Хасеновой, с точки зрения сопоставительного анализа – С. Г. Шкуридиным. Категорию залога с позиции истории языка в тесной связи с глагольным управлением в языке древнетюркских памятников рассматривает в своем исследовании А. С. Аманжолов. Большое место уделено залогообразующим аффиксам и их роли в языке Н.К. Дмитриевым в «Грамматике башкирского языка». Как словообразующие рассматривает аффиксы категории залога тюркских языков в своих трудах по грамматике современного узбекского литературного языка А. Н. Кононов. Категория залога в казахском языке отражена также в работах А. Искакова, К. Аханова, М. Томанова, М. Сергалиева и др.

Несмотря на разнообразие рассматриваемых лингвистических воззрений на категорию залога, в каждой работе по русскому языку упоминается о двух залогах: действительном и страдательном, при этом единства мнений среди учёных в их интерпретации нет. В казахском и русском языках основное внимание уделялось изучению соотношений между этими залогами на синтаксическом уровне. Например, А. А. Потебня, А. В. Попов отмечали в

качестве отличительного признака русского страдательного залога возможность неупоминания производителя действия. А. А. Шахматов противопоставляет действительный залог страдательному.

Термин «страдательный оборот» начинают употреблять в своих трудах Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, Д. Н. Овсянико-Куликовский с середины XIX века.

Ф.И. Буслаев в «Исторической грамматике русского языка» не вносит принципиальных изменений в ломоносовскую систему залогов. Он связывает лексико-синтаксическое учение о переходности-непереходности глаголов с учением о залогах: «Залог означает деятельность предмета или переходящую на другой предмет ... или непереходящую» [Буслаев, 1959, с. 343].

Так же, как М.В. Ломоносов, он считает основной формой выражения страдательного залога страдательные причастия и определяет страдательное значение как «состояние предмета, произведенное действием другого. Например, *любим отцом и матерью*». Кроме причастий, страдательное значение, по мнению Ф.И. Буслаева, выражается глаголами с «-ся», «восполняющими недостаток самостоятельного спряжения страдательного глагола», и глаголами без «-ся» «при лице действующем, означенном или творительным падежом, или предлогом *от*» (ср. *Залегла та дорога тридцать лет от того Соловья Разбойника*).

Таким образом, страдательное значение выражается и действительной формой переходного глагола. Возражая против этой точки зрения Ф. И. Буслаева, А.А. Потебня утверждал, что ни один глагол не может обладать сразу несколькими залоговыми значениями. Залоговое значение возникает и осуществляется, по его мнению, лишь в предложении, в составе которого слово только и живет настоящей, индивидуальной жизнью.

Как мы видим, развитие страдательного залога А. А. Потебня связывает с развитием пассивных конструкций. Ценным является его замечание о различной степени активности субъекта в действительном и страдательном оборотах.

Академик В.В. Виноградов отметил существенную особенность теории залога А.А. Потебни: «...Учение Потебни о пассивных оборотах органически сплетается с вопросами об истории субъективно-объективного строя предложения, с вопросами о развитии разных типов предложения – глагольно-именных и глагольных» [Виноградов, 1972, с. 600].

Категория залога в исследованиях А.В. Попова выходит, по сути, за пределы морфологии и становится одной из важнейших проблем синтаксиса простого предложения.

Для теории залогов Д.Н. Овсяннико-Куликовского характерно подобное смешение лексических и грамматических признаков при определении залоговых значений глагола.

Заслуживает внимания то, что он, следуя за А.А. Потебней, показал необходимость исследования проблемы залогов в тесной связи с вопросом об активных и пассивных конструкциях и сделал попытку рассмотреть не только отдельные составные компоненты страдательного оборота, но и вопросы, касающиеся всего оборота в целом, грамматические значения составных компонентов в их взаимосвязи.

Система залогов, построенная академиком Ф. Ф. Fortunatovым, изложена в его известной статье «О залогах русского глагола». Эта система основана на принципе соотносительности грамматических форм и соответственных значений. Отказавшись от прежней системы, насчитывающей до шести залогов, и определяя залоговые формы как глагольные формы, обозначающие различия в отношении действия к субъекту, академик Ф.Ф. Fortunatov различал только два залога: переходный (невозвратный) залог, включающий переходные глаголы без «-ся», и непереходный (возвратный) залог, состоящий из соотносительных форм с аффиксом «-ся», имеющих непереходное значение, например *строить – строиться*.

Значительную ценность в разработке учения о залогах глагола представляют труды академика А.А. Шахматова. В первоначальном определении залога, данном в «Очерке современного русского языка», он

следует фортунаатовской трактовке. Формами залога, по его определению, являются «те различные, произведенные от одного и того же глагола образования, в которых обозначаются различного рода отношения действия и состояния, выраженного глаголом, к его субъекту» [Шахматов, 1936, с. 168]. Позже в своем «Синтаксисе» он пересматривает это определение: формами залога выражается или отношение субъекта к объекту действия, или невозможность сочетать данный глагол с объектом, то есть категория переходности-непереходности становится у А.А. Шахматова основой теории залога в соответствии с учением А.А. Потебни и Д.Н. Овсяннико-Куликовского.

Вопреки точке зрения академика Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматов считал очень существенными для русского языка различия в отношении действия к субъекту, выражаемые глаголами страдательного и действительного залога, и отмечал, что эти различия отражаются не только в причастиях, но и в возвратных глаголах. Шахматов выделял три залога: действительный, страдательный и возвратный (средний).

Действительный залог обозначал, что «действие или состояние проистекает от самого субъекта», страдательный – «действие переходит на субъект предиката с другого (психологического) субъекта».

Вслед за А.А. Потебней, Д.Н. Овсяннико-Куликовским и А.А. Шахматовым академик В. В. Виноградов высказывает замечание о различной степени пассивности в обеих разновидностях страдательных оборотов. По его мнению, страдательная конструкция с возвратным глаголом «близка к средневозвратному значению, она гораздо менее выражает пассивное состояние субъекта, чем страдательно-причастная конструкция (ср., например: *поле вспахивалось колхозниками* и *поле было вспахиваемо колхозниками*)». В причастно-пассивных оборотах с отсутствующим творительным падежом действующего лица «пассивность характеризует не столько действие, сколько состояние» [Виноградов, 1972, с. 601].

Изучив взгляды виднейших учёных на природу страдательных оборотов, необходимо отметить, что вопрос о страдательных конструкциях в русском

языке рассматривался на уровне проблемы залогов глагола, выражая некоторым образом синтаксический аспект решения этой проблемы.

Из истории вопроса страдательного залога видно, что в русской лингвистической литературе, наряду с традицией решать проблемы общего значения залога и классификации залоговых форм лишь на морфологическом уровне, неоднократно возникали попытки решить эту проблему на синтаксическом уровне.

В свое время М.В. Ломоносов видел в соотносительности действительного и страдательного оборота надежный способ различения залоговых форм, понимая, что в русском языке морфологическая дифференциация залогов не является достаточной. И.И. Мещанинов считал, что залоговые изменения глаголов имеют синтаксическое значение, то есть отражаются на конструкции всего предложения или частей его. Этот же вывод вытекает из утверждения академика В.В. Виноградова: «Морфологическая соотносительность между формами страдательного и действительного залогов нарушена, полустерта. Приходится говорить не столько о соотносительных залоговых формах глагола, сколько о стилистических функциях синтаксически соотносительных... активных и пассивных оборотов». Он же отмечает, что синтаксический подход к категории залога опирается на давнюю лингвистическую традицию и в теории русского языка «вопрос о категории залога связывался ... с общим синтаксическим вопросом о развитии субъектно-объектного строя предложения. По мнению многих лингвистов, залоговое значение глагола устанавливается и определяется лишь в контексте предложения» [Виноградов, 1972, с. 314].

Таким образом, история изучения категории залога в русском языке отличается сложностью, противоречивостью в трактовке природы и сущности залога, его функций.

Итак, в истории залогообразования русского языка нет до сих пор единого понимания не только природы и основной функции залогов в языке, но нет

и единогласия в решении вопросов о количестве залогов русского глагола и о классификации залоговых значений.

«В лингвистической литературе по тюркским языкам трактовка залогов представляет весьма пеструю картину», - такую оценку состоянию изучения категории залога в тюркологии дал Л.Н. Харитонов, автор исследования «Залоговые формы глагола в якутском языке» [Харитонов, 1941, с. 45].

Существенный интерес для казахского языкознания представляют труды А. Байтурсынова, в которых содержится нетрадиционный взгляд на синтаксическое функционирование страдательных конструкций как основного компонента предложения. Впервые автором исследования ставится вопрос о чётком определении сущности страдательного залога, в отличие от других залоговых форм. По классификации А. Байтурсынова в казахском языке десять залоговых форм, в том числе страдательный залог – «ырықсыз етіс».

Уточняя классификацию А. Байтурсынова, известный казахский языковед К. Жубанов в «Программе по казахскому языку», изданной в 1936 году, отмечает семь залоговых форм: сабақты етіс, салт етіс, өсіңкі етіс, өздік етіс, өзгелік етіс, ырықсыз етіс [Жубанов, 1936, с. 52].

Пересмотрев взгляды А. Байтурсынова и К. Жубанова, видный казахский лингвист С. Аманжолов разработал нормативную «Программу по казахскому языку для средней школы». В 1939 году во втором издании данной программы отмечаются следующие четыре залога: өздік етіс (возвратный залог), өзгелік етіс (понудительный залог), ырықсыз етіс (страдательный залог), ортақ етіс (взаимный залог). Следует отметить, что данной классификации придерживаются большинство последующих авторов [Аманжолов, 1939, с. 53].

Автор учебника «Қазақ тілі» И. Маманов относительно страдательного залога констатирует, что грамматические непереходные глаголы образуются от основы переходного глагола с помощью аффиксов -л, -ыл, -іл, -ын, -ін. По мнению автора, данные глаголы казахского языка соответствуют в русском языке возвратному и страдательному залогам [Маманов, 1989, с. 54]. Важной

особенностью является то, что в предложении грамматические непереходные глаголы выступают в роли сказуемого, в этом случае объект действия становится подлежащим, а субъект не употребляется.

Большое внимание уделено залогу в «Грамматиках казахского языка» сороковых-пятидесятых годов — С. Кенесбаева и С. Жиенбаева (1942), Г. Бегалиева и Н. Сауранбаева (1948), А. Искакова и К. Аханова(1952).

С грамматической и синтаксической точек зрения исследуют залог казахского языка А. Искаков, А. Калыбаева-Хасенова, К. Аханов, М. Томанов и М. Сергалиев.

Вопросы сопоставительного изучения категории залога в казахском и русском языках, несмотря на назревшие потребности обучения, образования, а также развития самой науки – языкознания, изучены недостаточно, не в полной мере. А. С. Аманжолов в исследовании «Глагольное управление в языке древнетюркских памятников» [Аманжолов, 1969, с. 56] посвящает залогообразованию специальный раздел «Основы производных глаголов, образованных от глаголов, и их взаимоотношения с управляемыми компонентами». А. С. Аманжолов утверждает, что «производные отглагольные глаголы обусловлены лексико-синтаксической стороной залогообразования».

В.М. Насилов, автор труда «Язык орхоно-енисейских памятников», также отмечает: «Словообразование глагольных основ от глагола неразрывно связано с изменением залогового значения. Это свидетельствует о древности категории залога в тюркских языках» [Насилов, 1960, с. 21].

В связи с тем, что история казахского языка вызывает огромный интерес, мы сочли необходимым обратиться к истокам формирования глагольной категории залога, опираясь на исследования по древнетюркскому языку. Многие неразрешенные до конца проблемы грамматической категории залога можно понять, лишь изучив данные исторических памятников.

Без изучения истории грамматических категорий в языках, на наш взгляд, трудно решить не только теоретические задачи сопоставительного исследования языков, но и проблемы прикладного характера.

Таким образом, проблема залогов в русском языкознании, изучение которой было начато Мелетием Смотрицким, М. В. Ломоносовым и продолжено Ф. И. Буслаевым, А. А. Потебней, Д. Н. Овсянко-Куликовским, А. В. Поповым, Ф. Ф. Фортунатовым, В. В. Виноградовым, А. А. Шахматовым, А. М. Пешковским и другими, представляла собой довольно пеструю картину различных точек зрения и подходов. Большинство учёных пыталось решить проблему общего значения залога и классификации залоговых форм на морфологическом уровне. Уровень синтаксического функционирования залоговых форм рассматривался лишь как дополнительный к морфологическому.

Проблема залогов в казахском языкознании остаётся недостаточно изученной. Диахронический аспект исследования категории залога характеризуется множеством разногласий, в частности по вопросу происхождения залоговых форм. Как известно, современные взгляды на количество залогов в казахском языке сформировались постепенно.

Библиографический список

1. Аманжолов С.А. Қазақ тілінің программасы / С.А. Аманжолов. А., 1939. 96 б.
2. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И. Буслаев. М., 1959.
3. Баскаков Н.А. Историко-типологическая морфология тюркских языков: структура слова и механизм агглютинации / Н.А. Баскаков. М., 1979. 231 с.
4. Маманов И. Қазақ тілі / И. Маманов. А-Ата., 1989. 80 б.
5. Насилов В.М. Язык орхоно-енисейских памятников / В.М. Насилов. М., 1960.
6. Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке / Э.В. Севортян. М., 1962. 643 с.
7. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка / Н.К. Дмитриев. М.-Л., 1948. 179 с.

8. Аманжолов А.С. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников / А.С. Аманжолов. М., 1969. 72 с.
9. Байтұрсынов А. Тіл тағылымы / А. Байтұрсынов. Алматы: Ана тілі, 1992. 446 б.
10. Кеңесбаев С. Қазақ тілі грамматикасы. Фонетика мен морфология / С. Кеңесбаев, С. Жиенбаев. Алматы: Қазақстан Мемлекеттік біріккен баспасы, 1942. I бөлім. 147 б.
11. Жұбанов Қ. Программа по казахскому языку / Қ. Жұбанов. Алма-Ата, 1936. 383 с.
12. Аханов К. Тіл білімінің негіздері: оқулық / К.. Аханов. Алматы: Санат, 1993. 3-бас. 496 б.
13. Юлдашев А.А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке / А.А. Юлдашев. М., 1958. 87 с.
14. Гольдрот Г.Я. Основные проблемы теории залогов в русском языке / Г. Я. Гольдрот. Новосибирск, 1948. 92 с.
15. Харитонов Л.Н. Залоговые формы глагола в якутском языке / Л. Н. Харитонов. М., 1941. 201 с.
16. Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
17. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка / А.А. Шахматов. М, 1936.